

КРАСНЫЙ ТЕРРОР В КРЫМУ

Одно из самых страшных событий в отечественной истории XX века – гражданская война. Но её течение не ограничивалось военными событиями на фронтах. Частые смены власти порождали желание у победивших наказать и расправиться с теми, кто пытался приспособиться или сотрудничать с новым порядком, а также нейтрально относиться к новому режиму. Эти и другие причины и породили такие явления как белый и красный террор. Вполне естественно, что о белом терроре известно больше, менее изучен в украинской и русской истории красный террор. Хотя и о нём уже в 1920-е гг. появились обобщающие исследования ¹.

Множество свидетельств очевидцев трагедии 1920-х гг. нашли отражение в богатой мемуарной литературе, издававшейся в основном за границей. Каждый новый документальный источник обогащает в той или иной мере противоречивую картину прошедших трагических лет новыми фактами, именами, событиями. В этом смысле известный интерес представляет дневник камерной певицы Евфалии Ивановны Хатаевой (1891 - ?), хранящийся в Государственном архиве Сумской области ².

Начатую успешно музыкальную карьеру певицы прервала гражданская война, заставившая её уйти в 1919 г. из Харькова вместе с Добровольческой армией Деникина в Ростов-на-Дону. В ноябре 1920 г. она уезжает в Крым, а оттуда – в Москву, где, присоединившись к группе писателей, – в Дальневосточную республику. Как и многие, уже не возвращается оттуда, не видя возможности применения для новой власти своего таланта.

Описанные Е. Хатаевой события в Крыму начала 1920-х гг. уже получили освещение в мемуаристике, однако и они имеют свою ценность, так как не только подтверждают трагические события из истории гражданской войны, связанные с красным террором, но и дают новые штрихи к ним, передают эмоциональное отношение к ним автора – представителя художественной интеллигенции тех лет.

Первые записи, сделанные автором в январе 1921 г. в Симферополе, позволяют нам очутить атмосферу страха, царящего на полуострове. А московские слухи о зверствах в Крыму оказались страшной реальностью: «А вот то, что Крым залит кровью, с этим нельзя примириться (...) Боже мой, как жаль, безумно жаль обманутой и добровольцами и коммунистами, несчастной, истрадавшейся молодёжи».

Описывая бегство остатков Добровольческой армии из Ялты, замечает, что последние пароходы отходили полупустыми. А по всему Крыму начала проводиться «красная зачистка» под руководством главы Крымского правительства Бела Куна. По его указанию объявляется регистрация оставшихся офицеров с гарантией их личной неприкосновенности. По этому поводу автор дневника пишет: «Пошли на регистрацию доверчиво, многие с радостью... И ни один человек не вернулся, ни один. А в Севастополе объявили митинг для оставшихся офицеров (после регистрации), окружили здание, вывели за город и всех из пулемётов. В Ялте, Феодосии было ещё хуже».

В отличие от других авторов воспоминаний, Е. Хатаева не была непосредственным участником этих событий, они освещаются ею как бы «из вторых рук». Но в сопоставлении с иными источниками заметна их правдивость и искренность³.

Перелистаем ещё страницы этого дневника: «Какой ужас. Господи, какой ужас! Ведь не писать об этом надо в ненужном дневнике, а надо кричать, негодовать, бить в набат. А мы почти спокойно об этом говорим. Привыкли, что ли, мы к крови, к смерти, болезни, страданию», – продолжает Е. Хатаева, указывая далее, что «расстреляно было десятки тысяч». Насколько мы должны доверять этим цифрам? На этот счёт существуют различные версии. От официальной советской (56 тыс. чел.) до 120 тыс. (по показаниям И. Шмелёва). Сошлёмся и на другой источник – письмо Максимилиана Волошина к художнику К. В. Кандаурову от 15 июля 1922 г.: «Несколько цифр – вполне точных: за первую зиму было расстреляно 96 тыс.

– на 800 тыс. всего населения, т.е. через 8-го. Если опустить крестьянское население, не пострадавшее, то городское в Крыму 300 тыс., т.е. расстреливали через второго. А если оставить интеллигенцию – то окажется, что расстреливали двух из трёх». Таким образом, говоря о десятках тысячах расстрелянных на крымской земле во время красного террора, Е. Хатаева была близка к истинному положению дел.

Следующий факт, упомянутый автором, вполне заслуживает доверия. Когда её муж, писатель С. И. Гусев-Оренбургский, хлопотал о сыне известного русского писателя И. Шмелёва перед ответственными работниками «обласкома», один из них спросил: «Он был офицер?» – «Кажется». «Значит незачем узнавать о нём, был приказ расстрелять всех офицеров...»

Дневниковые записи Е. Хатаевой о событиях в Крыму в начале 1920-х гг. вошли в её повесть «Арлекинада. Дневник артистки в дни революции» (1922), машинопись которой также хранится в Сумском областном архиве. Вести о репрессиях, о массовых расстрелах белого офицерства, оставшегося в Крыму, докатились и до центров русской эмиграции в Турции, Сербии, Германии, Франции, Тунисе, США. И в этом нестройном и трагическом хоре звучал и голос одарённой певицы – невольного свидетеля красного террора в Крыму.

Примечания

¹ Мельгунов С. П. Красный террор, 1924.

² ДАСО, ф. Р-7627, оп. 1, д. 4.

³ Купченко В. П. Красный террор в Феодосии // Известия Крымского республиканского краеведческого музея. – 1994. – №6. – С. 58-61.

⁴ Купченко В. П. Красный террор в Феодосии // Известия Крымского республиканского краеведческого музея. – 1994. – №6. – С. 61.